

Александр Восьмой

**КОМЕДИЯ:
Секретный агент
на больничном.**

Александр Восьмой

**КОМЕДИЯ: Секретный
агент на больничном.**

«Автор»

2026

Восьмой А.

КОМЕДИЯ: Секретный агент на больничном. / А. Восьмой —
«Автор», 2026

Секретный агент на больничном. Опытный агент Максим вынужден сидеть дома с простудой, но его профессиональные привычки никуда не исчезают: он подозревает курьера в шпионаже, анализирует поведение кота и расшифровывает «тайные послания» в рекламе йогурта. Постепенно его квартира превращается в штаб, а больничный — в самую смешную спецоперацию.

© Восьмой А., 2026

© Автор, 2026

Александр Восьмой

КОМЕДИЯ: Секретный агент на больничном.

Глава 1. «Диагноз: повышенная подозрительность»

Кабинет врача пах антисептиком и неизбежной правдой. Максим сидел на краешке стула, будто в любой момент был готов сорваться с места и уйти по крышам, минуя лифты и камеры наблюдения. Только вот сил не было даже на то, чтобы расправить плечи. Нос закладывало, в висках стучало, а в груди поселилось то самое неприятное ощущение, когда мир становится слишком громким и слишком ярким одновременно.

— Постельный режим, — сухо произнёс врач, не глядя на Максима, а скорее сквозь него, как будто видел не сурового агента, а просто ещё одну медицинскую карту с симптомами. — Никаких миссий, никаких ночных выездов, никаких «я сам дойду». Вы сейчас не оперативник, вы пациент.

Максим хотел возразить — у него всегда был аргумент наготове, что-то вроде «я работаю лучше, когда болею», но вместо этого только кашлянул, и этот кашель прозвучал предательски слабо. Врач поднял бровь, будто это и было главным доказательством его правоты.

— И пейте вот это, — он протянул листок с назначениями и коробку с лекарствами. — По инструкции.

Инструкция. Это слово прозвучало для Максима почти как вызов. Он взял коробку, повертел её в руках. Штрих-код смотрел на него, как зашифрованное послание. В линиях тай-лась система, в цифрах — скрытый смысл. Его пальцы невольно сжались: столько лет он учился видеть то, что скрыто, замечать детали, которые другие пропускают. И вот теперь эти навыки обрушились на упаковку таблеток, словно на секретный донесение вражеской разведки.

Выйдя из поликлиники, Максим ещё пытался держаться прямо, сохранять вид человека, который просто немного простужен, а не разваливается на части. Но уже в лифте, пока цифры этажей медленно ползли вверх, он понял: битва переместилась. Теперь полем боя станет его собственная квартира.

Дверь щёлкнула, закрываясь за ним, и этот звук прозвучал как сигнал тревоги. Квартира, всегда бывшая для него убежищем, вдруг показалась другой — наполненной тенями, намёками, скрытыми сигналами. Тени от жалюзи легли на пол, как линии секретной карты. Чайник на кухне замер, будто затаился перед броском. Даже воздух стал густым, насыщенным информацией, которую нужно расшифровать.

Он бросил сумку на стол, и звук удара прозвучал слишком громко, слишком отчётливо. Максим замер, прислушиваясь. Тишина ответила ему эхом собственных шагов. И в этой тишине он услышал то, чего раньше не замечал: тиканье часов, скрип старого стула, далёкий гул лифта где-то в шахте. Каждый звук теперь был частью большого плана, который ему предстояло разгадать.

Градусник он достал сразу, будто это был не бытовой предмет, а устройство для перехвата сигналов. Поставил, сел на край кровати и уставился на него, словно от скорости подъёма ртути зависела судьба мира. Минута тянулась, как вечность. Вторая. Третья. А столбик всё стоял на одной и той же отметке. Слишком ровно. Слишком стабильно.

«Это не нормально, — подумал Максим. — Ни один прибор не может быть таким точным. Здесь что-то не так».

Он наклонился ближе, прищурился, будто мог разглядеть микроскопические шестерёнки обмана. Может, градусник подменили? Или в него встроили передатчик? А может, это часть

более масштабной операции — заставить его думать, что он здоров, чтобы усыпить бдительность?

Коробка с лекарствами лежала рядом, и штрих-код снова притягивал взгляд. Максим достал телефон, открыл сканер и навёл камеру. Приложение пискнуло, выдав сухие цифры и название препарата. Но для него это были не цифры — это был код. Последовательность, которую нужно было расшифровать. Он начал сопоставлять числа, искать закономерности, вспоминать шифры, которые изучал на курсах подготовки.

— Да что же ты такое... — пробормотал он, постукивая пальцем по экрану.

И тут из кухни раздалось шуршание. Максим вскинул голову, и все его инстинкты мгновенно переключились в режим полной боевой готовности. Звук был тихий, но отчётливый — как будто кто-то осторожно передвигался, стараясь не выдать себя. Враг в тылу? Курьер, которого он не заказывал? Или...

Барсик.

Кот появился в дверном проёме, лениво потянулся и уставился на Максима своими огромными жёлтыми глазами. В его взгляде читалось что-то слишком осмысленное, слишком внимательное. Как будто он знал больше, чем положено обычному домашнему питомцу.

— Ты что там делал? — строго спросил Максим, хотя сам понимал, насколько нелепо это звучит.

Барсик моргнул, медленно и многозначительно, и пошёл к миске, будто игнорируя вопрос, потому что считал его недостойным своего внимания.

— Ладно, — пробормотал Максим, откидываясь на подушку. — Ладно. Просто кот. Просто шуршал.

Но даже это «просто» не могло заглушить тот внутренний голос, который годами учил его: «Ничего не бывает просто так. Всё — часть системы».

Чашка чая, которую он заварил, теперь тоже казалась подозрительной. Пар поднимался ровными завитками, складываясь в узоры, которые можно было принять за символы. Цвет напитка был слишком янтарным, слишком насыщенным — как будто в него добавили что-то ещё, кроме заварки. Максим осторожно понюхал, потом отставил чашку в сторону.

— Сначала градусник, потом штрих-код, теперь чай, — прошептал он себе под нос. — Это не совпадение.

Он посмотрел на свою квартиру — на привычные вещи, которые вдруг стали чужими, наполненными скрытым смыслом. Плед на кресле теперь казался маскировочной сетью, книжные полки — хранилищем тайных документов, а окно — наблюдательной вышкой.

«Если это спецоперация, — подумал он, — то я должен взять командование на себя. Даже на больничном».

Максим достал блокнот и ручку — старые, потрёпанные, проверенные в десятках миссий. На первой странице он вывел крупными буквами: «ОПЕРАЦИЯ „БОЛЬНИЧНЫЙ“». Ниже — список:

Проверить градусник на наличие скрытых устройств.

Расшифровать штрих-код лекарства.

Проанализировать поведение кота.

Установить источник подозрительных звуков.

Оценить уровень угрозы в квартире.

Ручка замерла над бумагой. Максим глубоко вздохнул, чувствуя, как простуда тянет его вниз, а привычка быть агентом тянет вверх. Он улыбнулся — криво, устало, но с тем самым азартом, который всегда появлялся перед сложным делом.

— Ну что, — сказал он вслух, обращаясь к тишине квартиры, к Барсику, к градуснику, ко всему этому абсурду. — Начнём.

И, несмотря на жар, на слабость, на все доводы разума, он почувствовал, как внутри разгорается знакомый огонь — огонь человека, который не умеет сдаваться, даже когда единственное, что ему положено делать, — это лежать и отдыхать.

Глава 2. «Кот как потенциальный информатор»

Утро началось с ощущения, будто квартира за ночь сменила режим работы: из «жилого пространства» превратилась в «объект повышенного внимания». Максим проснулся с мыслью, которая в здоровом состоянии показалась бы абсурдной, а сейчас выглядела как логичный вывод опытного оперативника: если в доме есть кто-то, кто всё видит и ничего не рассказывает, — это кот.

Барсик сидел у окна, не шевелясь, будто слился с рамой и подоконником. Его поза была неестественно правильной: лапы ровно, хвост аккуратно уложен, уши чуть вперёд — классическая поза «наблюдателя на позиции». И самое подозрительное — он игнорировал любимую игрушку: потрёпанного мышонка с обгрызенным хвостом, который ещё вчера вызывал у Барсика приступы охотничьего азарта.

— Ты что, сменил приоритеты? — пробормотал Максим, садясь на кровати и тут же морщась от того, как неприятно отозвалась простуда в каждой клетке тела. — Или тебе дали новые инструкции?

Барсик медленно повернул голову. Его жёлтые глаза смотрели прямо, без суеты, с той спокойной уверенностью, которую Максим привык видеть у людей, знающих слишком много.

«Слишком спокойно, — подумал Максим. — Слишком собранно. Так не сидят коты, которым нечего скрывать».

Он потянулся за блокнотом, где вчера вывел заголовок «ОПЕРАЦИЯ „БОЛЬНИЧНЫЙ“», и на новой странице записал: «Объект: Барсик. Статус: подозрительный. Поведение: наблюдение за улицей, игнорирование стимулов. Возможные связи: неизвестные».

— Ладно, — выдохнул Максим, поправляя плед, который теперь казался ему не уютным укрытием, а частью полевой экипировки. — Раз ты не идёшь на контакт добровольно, придётся использовать стандартные методы работы с информаторами.

В арсенале агента на больничном было не так уж много инструментов. Но одно средство работало безотказно — печенье. Не какое-нибудь, а то самое, с шоколадной крошкой, которое Барсик обожал до состояния временного помешательства. Максим достал пачку, потряс ею — звук получился внушительный, почти как сигнал вызова.

Барсик моргнул. Один раз. Медленно. Как будто оценивал предложение.

— Это не взятка, — строго сказал Максим, хотя понимал, насколько нелепо это звучит. — Это стимул к сотрудничеству.

Он положил печенье на пол, отступил на шаг и принял позу человека, ведущего деликатные переговоры: слегка наклонившись вперёд, руки опущены, взгляд прямой, но не агрессивный.

— Барсик, — начал он тихо, почти шёпотом, как будто в квартире могли быть «жучки». — Я знаю, что ты что-то знаешь. Ты сидишь у окна не просто так. Ты фиксируешь данные. Может, ты видишь то, чего не вижу я. Поделись информацией — и это печенье твоё.

Барсик посмотрел на печенье. Потом на Максима. Потом снова на печенье. В его взгляде читалось что-то среднее между «я тебя раскусил» и «ну ладно, ради этого можно и поговорить».

— Один факт, — продолжал Максим, стараясь звучать убедительно. — Один маленький факт. Что ты там высматриваешь? Сосед опять запускает дрон? Или курьер из подозрительной службы доставки опять ошивается у подъезда?

Барсик зевнул. Широко, демонстративно, так, что стало ясно: человеческие тревоги ему глубоко безразличны. А потом, не торопясь, подошёл к печенье, взял его зубами, развернулся и пошёл прочь — с видом кота, который только что выиграл спор.

— Эй, подожди! — Максим чуть не свалился с кровати, пытаясь дотянуться до блокнота. — Это не по правилам! Ты должен был сначала дать информацию, потом получить награду!

Но Барсик уже устроился в углу, удобно пристроив печенье рядом с собой, и принялся его грызть, время от времени поглядывая на Максима так, будто говорил: «Ты серьёзно? Я кот. Я не даю показаний».

Максим сел обратно, уставился на эту картину и вдруг почувствовал, как внутри поднимается волна смеха — несмотря на простуду, несмотря на то, что ему вообще было не до веселья. Это было настолько абсурдно, настолько нелепо, что оставалось только признать: даже в режиме «секретный агент» он не мог заставить кота сотрудничать по протоколу.

— Ладно, — вздохнул он, закрывая блокнот. — Ты победил. Но я всё равно буду следить. Барсик хрустнул печеньем, будто в ответ.

Максим потёр переносицу, чувствуя, как жар и усталость снова тянут его вниз. Но в голове уже складывался новый пункт плана: «Разработать систему мотивации для информаторов с учётом их биологических особенностей». Он улыбнулся, откинулся на подушки и прикрыл глаза — всего на минуту.

А когда снова открыл их, Барсик уже сидел рядом, положил голову на край одеяла и уставился на него с тем самым выражением, которое у котов означает что-то вроде «я тут. Но говорить не буду».

И в этот момент Максим вдруг понял: возможно, главная тайна, которую хранит Барсик, — это секрет спокойствия. Того самого спокойствия, которое приходит, когда ты знаешь, что всё будет хорошо, даже если вокруг творится полный абсурд.

— Спасибо, — тихо сказал он, осторожно погладив Барсика между ушами. — Хоть ты и не даёшь показаний, но... спасибо.

Барсик муркнул — коротко, сдержанно, как будто делал одолжение. И остался сидеть рядом, тёплый, живой, настоящий. И в этой простой близости было что-то, что на мгновение заставило все шпионские теории рассыпаться в пыль.

Но только на мгновение. Потому что стоило Максиму перевести взгляд на окно — туда, где Барсик сидел раньше, — как он снова заметил странность: тень от жалюзи падала на пол под необычным углом, складываясь в узор, подозрительно похожий на схему.

Максим замер, прищурился, вглядываясь в линии.

«Ладно, — подумал он, снова берясь за ручку. — Кот может и не говорить. Но узоры не лгут».

На новой странице блокнота он аккуратно зарисовал узор теней. Подписал: «Возможная схема эвакуации. Или тайный маршрут. Нужно проверить».

И, несмотря на жар, несмотря на усталость, он снова чувствовал тот самый знакомый азарт — азарт человека, который видит загадку там, где другие видят просто тени.

Глава 3. «Курьер с двойным дном»

Звонок в дверь прозвучал не как обычный бытовой сигнал, а как тревожная сирена, которая в сознании Максима мгновенно активировала все протоколы повышенной готовности. Он замер, прислушиваясь, будто через дверь можно было услышать не просто шаги, а намерения.

— Доставка! — голос из коридора был до обидного нейтральным: не слишком громким, не слишком тихим, ровно таким, каким должен быть голос человека, старающегося не привлекать внимания.

«Именно так и действуют профессионалы», — пронеслось в голове у Максима.

Он осторожно подполз к глазку, стараясь не шуметь, хотя сам понимал, что простуженный кашель всё равно выдаст его присутствие в квартире. В окуляре виднелся силуэт: стандартная тёмно-синяя куртка с логотипом службы доставки, кепка, опущенная чуть ниже обычного, и улыбка — слишком правильная, будто отрепетированная перед зеркалом.

— Кто там? — спросил Максим, стараясь звучать максимально буднично, но в голосе всё равно проскочила интонация человека, который готовится к переговорам с террористом.

— Курьер, доставка лекарств по заказу. Всё по списку, — голос звучал спокойно, без напряжения. Слишком спокойно.

Максим прищурился, будто это могло помочь разглядеть скрытые микрофоны в петличке или провода под курткой. «Стандартная униформа — лучшее прикрытие, — думал он. — Никто не смотрит на курьеров. А значит, через них можно пронести что угодно: от микрочипа до миниатюрной бомбы».

Он медленно повернул замок, одновременно пытаясь придумать, как провести экспресс-проверку доставщика, не вызывая подозрений. В голове крутились варианты: попросить показать документы, проверить, совпадает ли штрих-код на посылке с номером в приложении, или просто задать неожиданный вопрос — например, про погоду на Марсе. Это всегда сбивало с толку даже самых подготовленных агентов.

Дверь приоткрылась ровно настолько, чтобы в щель можно было просунуть посылку, но не настолько, чтобы курьер мог сделать шаг внутрь. Максим стоял за дверью, готовый в любой момент её захлопнуть, как будто от этого зависела судьба континента.

Курьер протянул коробку. Его взгляд был... обычным. Не бегущим, не напряжённым, не выдающим ни вины, ни страха — просто взгляд человека, который делает свою работу. И именно эта обыденность казалась Максиму самым подозрительным фактором.

— Распишитесь вот тут, — курьер ткнул пальцем в экран планшета, не поднимая глаз.

Максим уставился на экран, как на зашифрованное послание. Цифры, линии, галочка напротив пункта «доставка подтверждена» — всё это складывалось в схему, которую нужно было расшифровать. Он водил пальцем по экрану, пытаясь уловить малейшие вибрации, которые могли бы выдать наличие скрытого передатчика.

— Всё в порядке? — курьер наконец поднял глаза. Его улыбка была такой же стандартной, как и куртка, как и весь его образ.

— Да-да, — пробормотал Максим, стараясь не выдать своего внутреннего напряжения. — Просто... проверяю, чтобы всё было правильно.

«Слишком правдоподобно», — снова подумал он. — «Так улыбаются только те, кто знает, что их не заподозрят».

Он взял коробку, прижал её к груди, как будто она могла в любой момент взорваться или начать передавать сигнал. Курьер уже сделал шаг к лестнице, когда Максим вдруг осознал: что-то не сходится. В отчётах о подобных операциях всегда говорилось, что после передачи груза связные оставляют какой-то знак — едва заметную метку, особый жест, случайное слово. Но здесь не было ничего. Только тишина, запах антисептика из подъезда и удаляющиеся шаги.

— Подождите! — крикнул Максим, высовываясь из двери.

Курьер обернулся, в его взгляде мелькнуло лёгкое удивление — не испуганное, не виноватое, а просто человеческое удивление человека, которого окликнули без видимой причины.

— Вы... вы ничего не забыли? — выпалил Максим, сам не зная, что хочет услышать в ответ.

Курьер огляделся, похлопал себя по карманам, потом посмотрел на площадку, будто ожидая увидеть там забытый чемодан с секретными документами.

— Вроде нет, — пожал он плечами. — Всё доставил. Лекарства, инструкция, чек...

И тут Максим заметил это. На полу, у самой двери, лежал небольшой бумажный пакет — неприметный, белый, без логотипов, такой, какой мог бы содержать что угодно: от сменной маски до микроскопического дрона.

— А это? — Максим указал на пакет, чувствуя, как внутри поднимается волна адреналина. Вот оно! Доказательство!

Курьер наклонился, поднял пакет, повертел его в руках, будто пытаясь вспомнить, откуда он взялся.

— Ой, — сказал он, и в этом «ой» было столько искреннего смущения, что даже параноидальный мозг Максима на секунду запнулся. — Это мой. Там... обед. Бутерброд с сыром. Забыл, когда доставал коробку.

Максим смотрел на этот пакет, на бутерброд, на курьера, который неловко пожимал плечами и улыбался той самой обычной улыбкой, и чувствовал, как вся его блестящая теория заговора рассыпается на части, как картонный домик от лёгкого дуновения ветра.

— А, ну... ладно, — выдавил он, стараясь сохранить хотя бы остатки достоинства. — Хорошо, что нашли.

— Спасибо, что заметили, — курьер снова улыбнулся, на этот раз чуть теплее, будто понял, что перед ним не подозрительный тип, а просто человек, которому нездоровится. — Выздоровливайте.

И он пошёл вниз по лестнице, унося с собой бутерброд, свою обычную улыбку и остатки шпионской легенды, которая так эффектно рухнула из-за одной маленькой бытовой детали.

Максим закрыл дверь, прислонился к ней спиной и медленно выдохнул. В квартире было тихо, только Барсик где-то в комнате шуршал чем-то, что, вероятно, тоже казалось ему подозрительным.

Коробка с лекарствами стояла на столе, теперь уже не как объект слежки, а просто как коробка с лекарствами. Максим посмотрел на неё, потом на свой блокнот, где на новой странице было выведено: «Курьер: возможная связь с международной сетью. Проверить: 1) логотип на куртке; 2) маршрут передвижения; 3) наличие скрытых устройств в посылке».

Он зачеркнул все три пункта жирными линиями, так, чтобы их нельзя было прочитать. Потом достал из коробки упаковку с таблетками, прочитал инструкцию — самую обычную инструкцию без скрытых посланий и тайных кодов.

Барсик подошёл, ткнулся мокрым носом в ладонь и посмотрел на Максима своими жёлтыми глазами, в которых читалось что-то вроде: «Ну что, опять спасал мир?»

Максим усмехнулся, погладил кота и сел на диван, укутываясь в плед. Жар всё ещё держался, голова кружилась, но в груди было странное чувство — не поражения, а скорее облегчения. Иногда мир оказывался проще, чем хотелось думать. Иногда бутерброд — это просто бутерброд.

Но уже через минуту взгляд Максима снова скользнул к окну, к теням на полу, к узору на обоях, который вдруг показался ему подозрительно симметричным.

«Ладно, — подумал он, снова открывая блокнот. — Курьер — тупик. Но в квартире ещё полно загадок».

На чистой странице он вывел новую строчку: «Подозрительные узоры на обоях: возможная карта подземных коммуникаций. Нужно изучить под лупой».

Барсик вздохнул, улёгся рядом и закрыл глаза, как будто заранее знал, что эта спецоперация будет долгой.

Глава 4. «Штаб из пледа и ноутбука»

Максим сидел на диване, завернувшись в плед, и смотрел на свою гостиную так, будто видел её впервые. И не как комнату уставшего больного, а как стратегический объект, полный скрытых угроз и нераскрытых тайн. Бездействие, как твердили на всех курсах подготовки, —

это уязвимость. А уязвимость — приглашение к провалу. Даже если единственное, что тебе угрожает, — это пересохший воздух и просроченный йогурт.

— Так, — пробормотал он себе под нос, поправляя плед, который в его воображении мгновенно превратился в тактическую карту местности. — Штаб должен быть развёрнут. Немедленно.

Он огляделся, оценивая ресурсы. Ноутбук на журнальном столике мерцал экраном, словно радар, сканирующий невидимые частоты. Пульт от телевизора лежал рядом — строгий, прямоугольный, с кучей кнопок, которые можно было интерпретировать как панель управления секретной связью. Даже кружка с остывшим чаем приобрела зловещий вид — будто в ней растворили образец для анализа.

Барсик наблюдал за этими приготовлениями с высоты спинки кресла. Его поза выражала смесь снисходительности и любопытства: мол, «опять ты за своё», но при этом он был готов в любой момент воспользоваться ситуацией — например, прыгнуть на только что освобождённое место.

Максим открыл ноутбук, щёлкнул по иконке браузера и замер, будто перед ним была не стартовая страница, а интерфейс доступа к засекреченной базе данных. Курсор мигал, как тревожный сигнал.

— Система онлайн, — прошептал он, словно боялся, что стены подслушивают. — Начиная сбор данных.

Плед, накинутый на колени, теперь служил не для тепла, а как покрытие для секретных документов. Максим расправил его, разгладил складки и вдруг увидел в узоре нечто большее, чем просто вязанные петли. Линии переплетались, образуя маршруты, перекрёстки, зоны укрытия.

— Вот, — он ткнул пальцем в выпуклый ромб. — Это наша точка эвакуации. А здесь, — провёл ладонью по волнистой кайме, — линия фронта.

Барсик моргнул.

— Не смотри на меня так, — строго сказал Максим. — Это не фантазии. Это тактика.

Он взял ручку и начал делать пометки прямо на полях блокнота, который уже успел стать главным архивом «Операции „Больничный“». На новой странице он вывел заголовок: «План действий по раскрытию бытовых тайн». Ниже — список, чёткий и бескомпромиссный:

Проанализировать поведение холодильника (цикличность включения, уровень шума, температурные колебания).

Проверить пульт на наличие скрытых каналов связи (мало ли, вдруг это замаскированный передатчик).

Изучить активность соседей через окно (возможные маршруты передвижения, подозрительные предметы).

Расшифровать назначение кнопок на пульте (некоторые выглядят слишком загадочно).

Оценить стратегическую ценность пледа (маскировка, теплоизоляция, карта местности).

Холодильник гудел где-то на кухне — ритмично, настойчиво, будто передавал закодированное сообщение азбукой Морзе. Максим прислушался. Пауза, короткий гул, снова пауза, длинный гул... В этом звуке ему чудилась система.

— Ты что-то знаешь, — тихо сказал он, глядя на блестящую дверцу, как на лицо допрашиваемого свидетеля. — Я чувствую.

Он подошёл ближе, приложил ухо к металлу, чувствуя, как холод пробирается сквозь кожу. Гул вибрировал внутри черепа, складываясь в неясные образы.

— Три коротких, один длинный, — бормотал Максим. — Что это? Сигнал тревоги? Или расписание поставок?

Барсик, не выдержав зрелища, спрыгнул с кресла и подошёл к миске. Его движение было нарочито будничным, как будто он хотел напомнить: «Здесь вообще-то кормят. И это важнее всех твоих теорий».

— Да, да, я помню, — Максим отлепился от холодильника, потёр уши, которые теперь казались подозрительно холодными. — Но сначала — анализ.

Он достал телефон, включил диктофон и начал записывать наблюдения:

— Объект: холодильник. Модель: неизвестна. Поведение: цикличное включение каждые 17 минут. Уровень шума: умеренный, с нарастанием перед отключением. Возможные цели: поддержание температуры, сбор акустических данных, маскировка фоновых сигналов.

Закончив, он переслушал запись. В тишине квартиры голос звучал странно — серьёзно и одновременно нелепо. Максим хмыкнул, но стирать не стал. Данные есть данные.

Пульт от телевизора ждал своего часа на столе. Максим взял его, повертел в руках, изучая кнопки. Каждая из них казалась ему потенциальным рычагом управления чем-то большим. Вот эта круглая — наверняка активация экстренного канала. А эта, маленькая и незаметная, — кнопка самоуничтожения. Или, по крайней мере, сброса настроек до заводских.

— Если это устройство связи, — рассуждал он вслух, — то должен быть способ выйти на скрытый режим.

Он нажимал комбинации, вспоминая все коды, которые когда-либо учил. Вверх, вниз, влево, вправо, ОК. Потом другую: Home, Menu, Back. Экран телевизора послушно переключался между меню, но никаких секретных подменю не появлялось. Только список подписок, рекомендации и прогноз погоды.

— Ладно, — вздохнул Максим, откладывая пульт. — Пока остаёмся на открытой частоте.

Ноутбук пискнул — пришло уведомление. Максим вздрогнул, будто это был сигнал тревоги. На экране мелькнуло: «Ваша подписка скоро истечёт». Он уставился на сообщение, пытаясь разглядеть в нём скрытый смысл. «Ваша подписка...» — звучало почти как «Ваш доступ ограничен». Может, это предупреждение? Или попытка вывести его из игры?

— Ничего, — прошептал он. — Мы ещё посмотрим, кто кого.

Плед снова стал картой. Максим разложил на нём блокнот, ручку, телефон и пульт — так, чтобы каждый предмет занимал своё стратегическое место. Теперь это был не диван, а командный пункт. Не гостиная, а центр управления операцией.

Барсик обошёл всю эту инсталляцию по кругу, внимательно осмотрел каждый элемент, потом сел напротив Максима и уставился на него своими жёлтыми глазами. В этом взгляде читалось что-то вроде: «Ты сейчас серьёзно? Мы будем спасать мир с помощью пледа и пульта?»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.